

Заяицкий Сергей Сергеевич

**Жизнеописание Степана
Александровича Лососинова**

Трагикомическое сочинение

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Сергеевич З.**
Жизнеописание Степана Александровича Лососинова: Трагикомическое сочинение / Заяицкий Сергей Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 188 с.

ISBN 978-5-519-85926-4

ISBN 978-5-519-85926-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ковского психологического общества. Себя он любил называть «основателем учения о самозатруднении».

Так ли велики заслуги Сергея Вакховича перед наукою, предоставим судить ученым критикам.

ВВЕДЕНИЕ

О ПСИХОЛОГИИ, О ЕЕ МЕТОДАХ И ЕЕ ПОЛЬЗЕ

Удивительно, до чего русский народ склонен к философии; так склонен, как никакой другой народ, хоть и принято, чтобы все знаменитые философы были немцы.

Писатели тоже. Впрочем, писатели были еще в Англии. Но дело не в единицах, не, так сказать, в индивидах, а в массе. А где масса философична? В России. Например генералы. Я в дачном поезде встречался с одним генералом. То есть более мудроточивых уст в смысле поучительной беседы я не нашел бы ни у одного немецкого генерала, а говорят — немцы философы. Неправда. Кант немец, но философы русские. Помню мысли генерала о психологии. «Удивительная, говорит, вещь психология. Куда сложнее физиологии. В физиологии все, так сказать, доступно органам осязания, можно все потрогать со всех сторон, нос например. При изучении можно даже резать и ковырять и под микроскопом до малейшей клеточки. Один физиолог говорил, что ему даже обидно, до чего ему все понятно: слишком рано все выучил — не рассчитал — к сорока годам — всё! За новое приниматься

не стоит, свою науку прикончил, а умирать рано. Остаток жизни провел, предаваясь рыбной ловле. Со всем другое дело психология. Ничего не знают психологи. Что бы они ни толковали про интроспекцию (генерал так и сказал: «интроспекция», точно это какое-нибудь самое обыкновенное выражение, вроде: «молодцы-ребята»). Мельчайшего факта объяснить не умеют и никакие им институты не помогут, т. е. институты, разумеется, психологические. Взять хотя бы писательство. Ну в журналах за деньги с голодухи строчат, это понятно. Ну а богатые писатели или обеспеченные служебным окладом? Взять того же Пушкина. Много ли нажил? Гроши. Одни неприятности от высшего начальства, как явствует из биографии. Постоянный страх попасть на каторгу. Так для чего же он писал, спрашивается? Кажется, трудно ли было воздержаться? Перепрыгнуть через забор трудно, а не перепрыгнуть легко, так, кажется, просто: не прыгай и кончено. А он прыгал. Зачем? Выгод никаких, слава самая сомнительная при жизни, ну а после смерти что еще с нами будет, не известно, а если встать на точку эгоцентризма, то и вовсе. Но он писал, т. е., иными словами, затруднял себя и, принимая во внимание толщину академического издания, затруднял основательно. Ведь самый процесс труден, особенно при неровном почерке.

Помню, слова генерала крайне на меня подействовали. С тех пор как захочу написать что-нибудь, тотчас подумаю, что меня к этому побуждает, т. е. себя затруднять таким образом, и не пишу, а все думаю. Так мне генерал этот всегда в творчестве препятство-

вал, что трудно объяснить. Стал наблюдать за другими писателями из приятелей и, сознаюсь, необъяснимейшее явление: пишут все, а зачем пишут, — не знают, т. е. что их к этому побуждает. Психология — наука крайне щепетильная: спросить никак нельзя, зачем, мол, вы это писали, т. е. что побудило вас так затруднить себя,—неудобно. Приходится наблюдать. Наблюдение — один из методов. Я стал наблюдать. Наблюдал долго и вдруг понял — черту открыл в психологии. Формулировать могу так: «Человек (разумею: русский человек) имеет необычайную склонность к деятельности; направление и результаты коей ему безразличны». Например: Пушкин.

Итак: труд для человека (опять-таки русского) есть цель, а не средство.

Примечание: один ученый историк литературы возражал мне:

1) что Пушкин — не пример, ибо он в сущности араб;

2) что, имея склонности к светской жизни, он постоянно нуждался в деньгах. Возражу на это:

1) Если считать Пушкина арабом, то надо идти до конца и называть его уже не величайшим русским, а величайшим арабским поэтом.

2) Если не убедителен Пушкин (с его светскостью), беру гр. Толстого в последний период. В деньгах граф не нуждался, славе своей мог только повредить. Очевидно здесь мы имеем факт сознательного самозатруднения, в его, так сказать, первоначальной кристальности.

Эту же мысль доказать берусь с неопровержимостью на основании наблюдений, произведенных над близким приятелем моим (ныне погибшим) Степаном Александровичем Лососиновым. Для этого должен я изложить историю жизни моего друга вплоть до его гибели, выделив несколько замечательных событий из его биографии. Буду рад, если наблюдения мои окажутся полезны для процветания Московского психологического общества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДАВНОПРОШЕДШЕЕ

(PLUSQUAMPERFECTUM)

ГЛАВА I

В КОТОРОЙ ПОВЕСТВУЕТСЯ О ВОЗНИКНОВЕНИИ В ГОЛОВЕ ОДНОГО ГЕНИАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА ОДНОГО ГЕНИАЛЬНОГО ПЛАНА

На всех часах вдоль линий «А» и «Б», на всех часах, хором тикающих в часовых магазинах, на левых руках всех прилично одетых прохожих, словом всюду, где только было возможно, стрелка указывала четыре часа, когда Степан Александрович Лососинов проснулся. С первого же взгляда он заметил, что стены и потолок в его комнате стали гораздо светлее, чем были накануне, а, взглянув в окно, понял и причину этого явления. Медленно и робко падали маленькие хлопья первого снега и устилали белой пеленою тротуары, тумбы, крыши... Степан Александрович откинулся было на подушке, дабы предаться размышлению об удивительном законе природы, меняющем ежегодно времена года, но тотчас же снова воспрянул и с изумлением оглядел комнату. Действительно, она представляла не совсем обычное зрелище.

Все предметы были сдвинуты в один угол и большая часть из них стояла вверх ногами. Громадное кожаное кресло возвышалось на письменном столе, а кисейные оконные занавески, подняв свои подола, словно сидели на подоконнике. Еще во сне Степана Александровича угнетал странный ритмический шум, казавшийся ему прибоем волн во время прилива. Теперь шум этот раздавался наяву в соседней комнате и от времени до времени кто-то стучал по самому низу двери. . . «Полотеры», с ужасом понял Лососинов. Подобное печеному яблоку лицо старухи заглянуло в комнату.

— Встали, батюшка, — сказала она, — вот слава-то тебе, господи.

— Какого чорта вы не разбудили меня раньше?

— Будила, батюшка, ей-богу будила. И шторку подняла. Ничего не получилось. . . Знать уши-то сном законопатило.

— Я свою комнату натирать не позволю!

— Нельзя, батюшка, пол совсем стал паршивый. . . Срам, а не пол.

Степан Александрович, не унизившись до возражений глупой бабе, встал с постели, запер дверь на ключ и глубоко задумался. . . Если бы в эту минуту посторонний наблюдатель мог следить за выражением его глаз, то он поразился бы, как все мудрее и проникновеннее становились эти глаза, немного, правда, опухшие от тринадцатичасового сна, но все же вдохновенные и прекрасные. В ночной рубашке, с ночной туфлюю в руке, он напоминал какого-то античного бога, а внезапно